

А.Н. Фатенков

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ У ГОРИЗОНТА СМЕРТИ (Перечитывая «Время Mortido» В.А. Кутырёва)

Аннотация. Откликаясь на книгу В.А. Кутырёва «Время Mortido», во многом разделяя её настрой и переосмысливая некоторые её положения, автор даёт эскиз философии жизни применительно к современной человеческой ситуации. В согласии с концептуальным стержнем исходного текста авторская позиция выстраивается как антитеза известной максиме о звёздном небе надо мной и моральном законе во мне. В противовес выставляется требование диктатуры совести и вольницы совестливого нрава; культивируется взгляд, устремлённый к горизонту, где небо сливается с землёй и жизнь отделена от смерти тонкой линией. В рамках обсуждения проблемы количественного соотношения людей и вещей точка зрения В.А. Кутырёва истолковывается как контрмальтузианство. Критически воспринимаются религиозные симпатии автора «Время Mortido»; и, наоборот, с пониманием – фиксируемые им угрозы человеку со стороны техники и спасительность реальной, живой красоты. Принимая во внимание нынешние тенденции в области демографии и технической сфере, проигрываются различные сценарии дальнейшего развития событий. Итоговый вывод из книги В.А. Кутырёва делается бодрящий: не время умирать!

Ключевые слова: "Время Mortido", В.А. Кутырёв, философия, человек, смерть, жизнь, природа, контрмальтузианство, лицо, красота.

Review. Responding to the book 'Time Mortido' written by Vladimir Kutyrev, largely sharing its spirit and rethinking some of its provisions, the author gives a sketch of the philosophy of life in relation to the contemporary human situation. Agreeing with the conceptual core of the book, the author develops his position as the antithesis to the famous expression about 'the starry sky above me and the moral law within me'. In opposition to this expression, the author provides the requirement of the 'dictatorship of conscience' and the 'rowdies of conscionable nature' and focuses on viewing the horizon as the place where the sky and earth comes together and life is separated from death with the thin line. In terms of the question about the quantitative relationship between people and items, Vladimir Kutyrev's point of view is interpreted by the author as the 'counter-malthusianism'. In his article Fatenkov criticizes religious sympathies of the author of 'Time Mortido' but understands his statements about the technological threat to humans and the rescue nature of real alive beauty. Taking into account contemporary trends in demography and technology, Fatenkov analyzes different scenarios of the further development of events. At the end of his book Vladimir Kutyrev makes a rather stimulating conclusion that it is too early to die!

Keywords: death, nature, human, philosophy, Vladimir Kutyrev, «Time Mortido», life, counter-malthusianism, face, beauty.

Владимир Александрович Кутырёв принадлежит к тому неширокому кругу авторов, чьи работы трогают за живое. К ним возвращаешься. Постоянно. И не только по профессиональной нужде. Они написаны самостоятельно мыслящим человеком, написаны стильно, от души – без занудства и манерного оригинальничанья, чего в гуманитаристике, увы, предостаточно. Нижегородский философ откровенно издевается, и поделом, над ханжеством толерантности и политкорректности. Кризис перепроизводства, который он берёт под прицел критики, более всего сказывается, наверное, в переизбытке вранья

и имитации глубокомыслия. Complimentarность (а чего ж её скрывать?) не требует непрерывного поддакивания – наоборот, позволяет без стеснения возражать, порой резко. Обычно-то и споришь до хрипоты не с посторонними. Тех удержишь на дистанции. Бесстрастно-вежливой.

«Время Mortido» (СПб.: Алетейя, 2012. 336 с.) состоит из двух частей. Современная человеческая ситуация, я не склонен здесь к лексике с набалдашником «пост», сначала анализируется опосредованно, обращением к теоретическому опыту, а затем напрямую, в тесном сопряжении с опытом повседневным. Авторская позиция, как она разъясняется

в позднейшем интервью, радикальна, с оттенком эпатажа. *Mortido* есть «влечение к самоотрицанию в виде перехода в Иное»; культура Просвещения, перерастая в «культуру Смерти», разверзлась «апокалипсисом в раю»; уже сейчас «мы не живые, а только немертвые»; а быть может, и того печальнее: «человек умер, но ещё не похоронен» [см.: 1].

Содержательно откликнуться на все апокалиптические этюды, сюжетные линии книги невозможно, каким печатным объёмом ни располагай. Выберем всего одну колею, одну из главных. Она прокладывается как антитеза известной максиме о звёздном небе надо мной и моральном законе во мне. От той веет холодом – мелочного формализма и галактического безразличия. Натурный человек устремляет взгляд к горизонту, где небо сливается с землёй и жизнь отделена от смерти тонкой чертой, так и остающейся гипотетической для нашего сознания. Вместо морального законничества – диктатура совести и вольница совестливого нрава.

Начало начал. Жизнь и природа. Они неразделимы. С жизнью как таковой, минимально оформленной, мы с очевидностью встречаемся *при родах* кого-то. И вот – нынешнее взаимоотношение людей с естественной средой обитания. В.А. Кутырёв говорит, что они прощаются друг с другом. Полоса отчуждения, возникшая между ними на границе дикости и варварства, расплзлась до цивилизационного беспредела. Человек отгородился от природы грудой вещей и валом информации, безудержным производством и потреблением нужного и никчёмного – словом, самоубийственной мультиманией. На первый взгляд, коллега перебарщивает, излишне сгущает краски. Однако... Накануне зашёл в магазин: купить бутылку грузинского вина. Выбор приличный, что не может не радовать. Готовлю деньги расплатиться. Передо мной у кассы женщина: по телефону спрашивает кого-то, какой марки туалетную бумагу ей взять и какого цвета? Не выдержал, поинтересовался: к тональности чего подбирается расходный материал? Взрыв хохота. Весело рассмеялась, к счастью, и женщина с запросами, не обиделась.

В монографии В.А. Кутырёва мы сталкиваемся со своеобразным *контрмальтузианством*. Половой инстинкт с апофеозом деторождения объявляются угасающими. Утверждается: не рост населения кратно превышает приращение средств, необходимых для существования, – напротив, искусственных продуктов жизнедеятельности несоразмерно много по отношению к количеству людей. И динамика неуклонно ухудшается. Участь

белой расы видится уже предрешённой: вымирание, и сравнительно скорое. Но и остальным плодиться и размножаться (естественным способом) осталось недолго, лет сто-двести. А потом повсеместно контрреволюционный штиль – мужчины не могут, а женщины не хотят. Доводить дело до естественного жизненного завершения. Не за горами «соитие шприца и пробирки» под монотонное дребезжание вспомогательного инструментария, никак не защищённого, впрочем, от сбоев в программе. Вновь, вроде бы, перебор в нагнетании напряжённости. Покажите мне того чудака, который отказался бы поучаствовать в рискованных экспериментах с Шэрон Стоун и её героиней из «Основного инстинкта» (с обеими сразу, по-другому теперь и не выйдет), предъявите, наконец, этого убогого монстра, синтезированного в реторте. Не получится. Наше поколение застраховано от фантастических угроз. Но, к сожалению, не от торжественного вручения биопаспорта. Тут всё реально и вызывающе. Если гуманитарии, они, прежде всего, восторженно или смиренно примут модернизированный документ, точка невозврата к человечности будет пройдена.

Любопытно понаблюдать (и проверить гипотезу), как к инновационному мракобесию отнесутся персоны и институции, профессионально блюдущие нашу с вами духовность. Готов поспорить на ящик (коробку) «Мукузани», что официальная версия церковных структур будет однозначно оппортунистической: дескать, для спасения души и преобразования плоти биопаспорт ничуть не страшнее привычного удостоверения личности. Средневековые теологи страстно спорили о том, потребляет ли Бог пищу и справляет ли нужду, т.е. как им быть с его естественностью. Нынешним богословам впору задуматься, что Творцу в «будущей вечности» делать с чипами, выковырянными из человеческих тел: во что превратить подозрительные устройства, чтобы не захлამить райскую обитель? Это ведь не протезы, у каждого из которых имеется натуральный прототип, возможно и требующий совершенствования. Это абсолютно лишняя деталь для сверхъестественного улучшения. Однако и уничтожить её нельзя: тогда она точно будет уравнена со злом. Подобные рассуждения вряд ли понравятся Владимиру Александровичу. Он убеждён, что не религия и не церковь, а наука и техника угрожают сегодня человеку в первую очередь. Я держусь другой позиции: наука и религия запросто договорятся друг с другом (скажем, на платфор-

ме деизма), и договорятся против человека и его бытийной самостоятельности, которую уже две с половиной тысячи лет упрямо отстаивает философия. Тут наверняка возмутятся позитивисты и материалисты сциентистской ориентации, ратующие за союз философии и науки. Рискну первых проигнорировать вовсе, а вторым заявить: философский материализм упустил свой исторический шанс; он чересчур много потребовал от нормального учёного, понукая того мировоззренчески и методологически.

Обратимся к демографии, её пессимистическим (реалистическим?) оценкам и прогнозам. Что, если людей действительно не так уж мало, и чудовищный объём вещей и информации вполне соразмерен численности населения планеты? В.А. Кутырёв не рассматривает так заострённо поставленный вопрос. Поступает по примеру Ф.М. Достоевского: расправься Раскольников только со старухой-процентщицей и не тронь её невинную сестру, с раскаянием у вершителя судеб возникли бы куда более серьёзные проблемы. Автор «Время Mortido», в отличие от Т.Р. Мальтуса, не рассчитывает на заранее спланированные действия, уповая на оптимистически трактуемую оказию. Его, экологического оптимиста, кредо примечательно: «1) из всех живых существ человек умрёт последним; 2) в мире всегда есть место случаю; 3) то, что случилось однажды, всегда может случиться вновь» [2, с. 169]. Чудо прямо-таки. Против которого, собственно, никто и не возражает. И гуманно, конечно. Но как-то безвольно: всё пущено на самотёк. Когда насущное требование дня – всю грести против течения. В повседневной практике особенно. Зеркальная картина с автором «Опыта о законе народонаселения»: злыдня, без сомнения, однако ему не откажешь в намерении взять на себя ответственность за конкретные и предельно непопулярные решения.

Сейчас уже недостаточны жёсткие констатации, порой неотличимые от эпатажа, и вскрытые причины надвигающейся опасности, пребывающие в неактуальной дали. Необходимо максимально конкретизировать диагноз и немедленно определиться с мерами профилактики и терапии. Прежде всего требуется проранжировать вероятные сценарии недалёкого будущего. И здесь обязательна к учёту посылка, отстаиваемая В.А. Кутырёвым: человек – землянин, в космосе ему делать нечего, только слетать на прогулку, покувыркаться в невесомости... и полюбоваться родной планетой. Никаких компромиссов: «Или мы останемся какие

есть, или нас не будет” – так ответил один римский папа на предложение изменить символ веры. То же самое можно ответить энтузиастам автотрофности, бессмертия и прочим техникам. У всех вещей есть своя природа и своя мера» [2, с. 157]. Итак, варианты развёртывания событий (от цинично-пессимистичных к наивно-оптимистичным). Сценарий 1-й, самый омерзительно-тривиальный: каста «избранных» (горстка мерзавцев), оставаясь «так сказать людьми», держит под полным биотехническим контролем всех остальных, «как бы людей», – гегелевская диалектика господства и рабства в новых исторических обстоятельствах. Сценарий 2-й, самый что ни на есть естественный: люди, увеличиваясь в своей численности, доживают до нестерпимого демографического гнёта и начинают истреблять друг друга из-за клочка земли и глотка воды-воздуха. Сценарий 3-й: мы сходим с дистанции прогресса, уступая место технически усовершенствованному человекоподобным (антропотехам) и попадая под их репрессии – в земных резервациях или на космической каторге. Сценарий 4-й: люди, оставаясь в численном большинстве или меньшинстве, обыгрывают антропотехов, благородно спроваживая тех в космическое «пространство мёртвых дорог» или сермяжно уничтожая как класс. Сценарий 5-й, самый наивный и безответственный, основан на идиллической футурологии сотрудничества и мирного сосуществования человека с биотехническими существами.

Сколько можно обманываться! Человек уже один раз начудил. Выдумал себе Бога, наделив того лучшими своими качествами. Получил скачок отчуждения. Религию, зачастую без веры. А жаждал благодатной воли и искренней любви. А теперь? Какими предстанут антропотехи, заключить несложно. В «лучшем» случае – существами с избыточно подчеркнутыми телесными формами и гипертрофированной интеллигентностью. Они владеют помыслами тех, кто явно, а скорее неявно, недоволен собственными умственными способностями и внешними данными. Это месть тем, кто в обычной жизни, здесь и сейчас, не обделён ни талантом, ни вниманием противоположного пола; и не страдает мультисихозом, более известным, через эвфемизм, как закон неуклонного возвышения потребностей.

Соглашусь с В.А. Кутырёвым, блеск эрудиции – ещё не признак таланта, смазливость малолеток – не гарантия подлинной красоты. «А вот защитить докторскую диссертацию и сохранить собственный взгляд на вещи, стать профессором и не стать

тупицей – это трудно. Особенно в философии» [2, с. 228]. И заниматься ей имеет смысл до тех пор, пока не зачерствела душа и не обрюзгло тело. Пока тебе – с надеждой – улыбаются женщины.

Бесспорно, «никакая красота не спасёт мир, если человек не будет её чувствовать», не будет проникать в неё – в том числе плотски, физически. «Обладание, пусть малой, но реальной и живой красотой вдохновляет сильнее, чем когда пялишься на прославленную, но чужую. В музеях чувствуют меньше всего. Там “собирают информацию”. Об искусстве. И не надо его столько...» [2, с. 187–188]. Поневоле задумаешься. Ведь сам-то каждую нелетнюю поездку в Питер, к примеру, начинаешь или завершаешь в Эрмитаже. Неужели тоже возвышенно опускаешься? Нет! На ум приходит спасительная мысль. Не лукавая, надо надеяться. Мысль как вразумительно оформленное ощущение. Понимаешь, что в экспозиции притягивают две картины. Всего. Убери остальные полотна и экспонаты, для тебя ровным счётом ничего не изменится. «Сирень» В. Ван Гога и «Идол» П. Гогена. И если влечение к гогеновскому шедевру ещё поддаётся внятной рациональной аргументации (здесь не стану о ней распространяться), то запечатлённый в волнении цветущий куст завораживает безумно, без всякого рефлектёрства и мудрствования. Без всякой априорной подготовки. Так тянет к женщине. Одной. И не вычислишь, почему: не уродина, конечно, но и не модельных параметров (прецизионным измерениям тоже обучен). Тянет, и всё... Красивая, зараза!

Звёздное небо. Зримый символ. Не жизни – вечности. Вселенского разума и вселенской надменности (два раза: «ку»). Даже для новогодней сказки нужна метель. Хлопья снега, тающие и живительной каплей скользющие по лицу. Да, «...самая красивая на земле поверхность – человеческое лицо. Для нас – людей. Красивый человек приносит радость одним фактом своего бытия. Но почему, когда смотришь телевизор, особенно эстрадные

концерты, так много противных лиц. Несмотря на косметику» [2, с. 179–180]. О чём Вы, Владимир Александрович: какие лица – рожи. И каждая мнит себя «звездой», а медиаторы, чья профессия древнее древнейшей, подзуживают. Отвратный круг отнюдь не ограничен эстрадой. А информационные каналы, где изгаляются вчерашние «демократы», сменив прежний окрас на «патриотический». И ладно бы, только дамы... Стыдоба!

Уродство. Посредственность. Ординарность. Чуть выше среднего. Стылая красота. И красота ядовитая. Всё это встречается и в природе. Но она, не зацикливаясь на истине, не лжёт. И не девальвирует враньём красоту. Человек тут отошёл от природы и расплачивается за свою дерзновенность.

Жизнь, впрочем, не скупится на озорные тычки. Вот две теннисистки-блондинки. Знатоки догадаются, о ком речь. Одна выиграла почти всё. И с «ай кью», точно, порядок. Но мужчины не торопятся ей навстречу. Опровергающая информация вбрасывается, похоже, лишь для того, чтобы сгладить конфуз. Другая давно вне корта, не выиграла ничего и явно не отягощена интеллектом. А мужики за ней – видные, с именем – в очередь и в драку.

Перечитал «Время Mortido». Зашёл в Интернет: пробежаться по новостной строке, свободной от отталкивающих физиономий телекомментаторов. Депутат Думы настаивает на биометрической регистрации граждан страны. Схватка уже идёт – в открытую. Чем ответить? Резонно инициировать референдум о регулярной психиатрической экспертизе парламентариев (о частотности можно подискутировать). И проводить её в провинции, в районных больницах, где врачи получают копейки от бюджетных щедрот за свой человеческий труд. Поглядим, кто окажется в дураках. Книга В.А. Кутырёва неконъюнктурно актуальна. И вывод из неё следует бодрящий: *не время умирать!* Надо ещё приструнить тех, кто пытается сделать марионетками наших детей и внуков. Родная кровь. Им жить дальше.

Список литературы:

1. Кутырёв Владимир. Бытие или Ничто // Кто сегодня делает философию в России. Т. III / Автор-составитель А.С. Нилогов. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2015. С. 60–90.
2. Кутырёв В.А. Время Mortido. СПб.: Алетея, 2012. 336 с. (Тела мысли).

References (transliteration):

1. Kutyrev Vladimir. Bytie ili Nichto // Kto segodnya delaet filosofiyu v Rossii. T. III / Avtor-sostavitel' A.S. Nilogov. M.: ООО «Sam Poligrafist», 2015. S. 60–90.
2. Kutyrev V.A. Vremya Mortido. SPb.: Aleteiya, 2012. 336 s. (Tela mysli).